

© 2008 г. Е.А. Рыбалка

ПРОБЛЕМА ЛИЧНОСТНОГО ПРОСТРАНСТВА В ОТКРЫТОМ ОБЩЕСТВЕ

Рассматривается проблема влияния пространства на жизненный путь личности. Показано, что сформировавшиеся в философии концепты открытого общества не только выдвигают разные основания для реализации свободы индивидуального Я, но и дают общую методологическую установку в понимании открытости социального как основы для открытого пространства личности. Различные феномены этого пространства раскрываются прежде всего в повседневном межличностном взаимодействии. Исследуя проблему персональной идентичности в темпоральном и топологическом смыслах, обращено внимание на перспективность исследования тех пространственных структур социальной жизни человека, которые могут способствовать переходу от стратегий выживания к стратегии нормальной и полноценной жизни.

Ключевые слова: открытое общество, личность, идентичность, открытое пространство личности.

Обсуждая проблему влияния пространства на жизненный путь личности, социально-философские теории в качестве методологического ориентира выдвигают разные концептуальные основания. Исходными концептами могут выступать модели открытых и закрытых обществ. В философских теориях Нового времени образ закрытого общества формируется на основе идеи круговорота и воспроизводства традиционных институтов, защищающих социальные образования от воздействий внешней социальной среды. Открытое общество воплощает просветительский принцип прогрессивного развития, когда «прогресс наук обеспечивает прогресс промышленности и это взаимодействие должно быть причислено к наиболее деятельным, наиболее могущественным причинам совершенствования человеческого рода» [1, с.250]. По мере развития европейской цивилизации, масштабное восприятие откры-

того общества как беспредельного прогрессивного развития человечества, где сознание личности в сравнении с мощным развитием наук и рационально организованных технических систем оказывается малозаметным явлением, сменяется более конструктивными идеями классического и постклассического либерализма, обсуждающего динамику открытого общества и места в нем человека с позиций отношений власти и политической культуры.

Нам представляется необходимым проводить различия между политическими и философскими концепциями открытого общества. В политической интерпретации открытое общество ассоциируется преимущественно с позиций принципов демократии и идеалов правового государства. Исследуя механизмы реализации властных отношений между государством и личностью, анализируя роль общественных институтов в пространстве власти, политические концепты смещают проблемное поле личности в плоскость публичных политических действий и отношений.

Философская концепция открытого общества, обозначенная А. Бергсоном в книге «Два источника морали и религии», опубликованной в начале 30-х гг. прошлого века, где понятие открытого общества выступает как совершенная форма социальности в противоположность закрытому обществу, порождающему тупики творческой эволюции. Сохраняя духовную преемственность с идеями Просвещения, Бергсон связывает идею прогресса с открытым обществом как высшей формой социальности. Исследователи творчества Бергсона оставили в тени весьма важную, на наш взгляд, проблему связи идеи открытого общества «позднего» Бергсона, с открытым пространством личности «зрелого» Бергсона. В работе над книгой «Творческая эволюция» открытое пространство личности содержит онтологическое основание беспредельности пространства и времени человеческого рода. «Все человечество, в пространстве и во времени, - пишет Бергсон, - представляет из себя огромную армию, галопирующую рядом с каждым из нас, впереди и позади нас, увлекаемую собственной ношей, способную преодолеть всякое сопротивление и победить многие препятствия – быть может, даже смерть» [2, с.241]. Метафорически выражая открытость пространства истории к модусам прошлого, настоящего и будущего, философ обращает внимание на беспредельные возможности личности осваивать пространственные структуры, созданные человечеством. Сопричастность пространства личности с простираемостью истории

философ раскрывает посредством «жизненного порыва» (elen vital), источником которого выступает сознание человека, способное преодолеть узкие рамки интеллекта, погруженного в сферу практической деятельности. В полной мере явления открытости личности находят свое воплощение в образе открытого общества, выявляющего творческие способности каждого индивида. Идея Бергсона об открытости духовного бытия личности, ее духовного пространства благодаря присутствию жизненного порыва в сознании личности сегодня остается востребованной при осмыслении коммуникационных процессов в культуре, в различных формах межличностного общения, обогащающих человеческую субъективность. Говоря современными терминами, жизненный порыв интегрирует мощные информационные ресурсы, которые нуждаются в новой интеллектуальной интерпретации.

Другой философский горизонт открытого общества и открытого пространства раскрывается в работах Карла Поппера. Являясь выразителем течения постклассической рациональности весьма далекой от понятия «жизненный порыв», философ выявляет критическую направленность открытого общества, в котором все формы знания и всякая социальная политика могут открыто критиковаться. Согласно Попперу, открытое общество предстает как реальность и как некий идеал. Эти два начала достаточно полно интегрируются при ценностном подходе к демократии и ее развитым формам. По его мнению, «открытые общества, в которых мы живем сегодня, - самые лучшие, свободные и справедливые, наиболее самокритичные и восприимчивые к реформам» [3, с. 15]. Идеализируя возможности демократического устройства в странах западного мира, Поппер стремится выяснить социальные механизмы сохранения ценностей и принципов демократии. В свободном обществе гражданские общности способны находить наиболее эффективные формы сохранения и развития социально-политического порядка посредством преодоления «помех», которые могут проявляться в субъективных ошибках политических лидеров, в ошибочных стратегиях, не проверенных путем рационального анализа. В этой связи субъекты рационально обоснованного открытого общества осваивают, по его мнению, социальное экспериментирование, стремятся создать «искусственные условия, которые либо исключают, либо сводят к нулю все те предрасположенности, которые играют роль помех или возмущений при экспериментах» [4, с. 191]. При всех преимуществах

концепта открытого общества К. Поппера следует отметить, что его конструкт рационально организованного социального (гражданского) пространства не захватывает в должной мере поведение, сознание, пространство личности. Для философа, раскрывающего процедуры критической рациональности, личность чаще всего предстает как иррациональный элемент, который можно направлять в нужное социальное русло посредством демократических институтов.

Сформировавшиеся в философских системах концепты открытого общества выдвигают разные основания для реализации свободы индивидов в социальном мире. В одном варианте – это открытость к творчеству (А. Бергсон), в другом – свобода критических суждений, направленных на улучшение демократических принципов и форм организации общественной жизни (К. Поппер). Предложенные концепты дают самую общую методологическую установку в понимании открытости социального как основы для открытой личности. В литературе отмечается, что выработка способности критического мышления, индивидуальной позиции свободной, открытой личности «возможно только в таком обществе, которое является открытым, выражает реальные потребности и интересы индивида и существует независимо, а может быть и вопреки государству» [5, с. 13]. Устанавливая прямую связь между открытым обществом и открытой личностью, О.В. Орлова, на наш взгляд, во-первых, не совсем оправдано противопоставляет общество и личность государству, так как институализация остается необходимым условием утверждения открытого пространства личности; во-вторых, взаимодействие открытого социума и личности реализуется в пространстве социальных общностей. Свободный человек, возникающий в открытом обществе, обретает творческие способности и критическую направленность в реальных пространственных структурах в социальных дистанциях между институтами, общностями и конкретными индивидами.

Особым образом структурированное пространство социальных общностей оказывается жизненной средой, объединяющей открытое общество и открытое пространство личности. В этой связи вызывает возражение утверждение, что в открытом обществе роль социальных общностей заметно снижается и пространство инноваций всецело переходит к личности. «В либеральном обществе приоритет отдается на общности, а свободам и ответствен-

ности индивида, который стремится так изменить сложившиеся структуры, чтобы они открывали пространство для инноваций (принцип открытого общества)» [6, с. 36]. Собираемый образ индивида, наделенного гражданскими правами, по нашему мнению, в полной мере раскрывается именно в гражданских общностях, блокирующих этатистские устремления государства. Философское осмысление территории личности в пространстве общностей находится под влиянием новых методологических установок, сложившихся на рубеже XX - XXI столетий в теоретической социологии. Прежде всего это касается соотношения «макро» и «микро» социологических теорий общества на прямую связанных с новой социологической рефлексией социального пространства общества и его субъектов. Весьма широко распространенная во второй половине XX века концепция резкого разграничения макроструктур, пульсирующих в больших социальных группах и в основных сферах общества и микроструктур, охватывающих строение и функционирование малых социальных групп, в середине 80-х годов была подвергнута критике Э. Гидденсом, еще раньше Э. Гофманом [7,8]. С точки зрения этих авторов социальный опыт обустройства общества непрерывно воспроизводится в малых группах, а макросоциологические процессы расширяют этот опыт во временных и пространственных структурах социума.

Развернувшаяся в 80-х гг. прошлого века в западной теоретической социологии дискуссия имеет непосредственное отношение к пространству личности, которое множеством пространственных структур связано с функционированием больших и малых социальных общностей. В этой связи представляется убедительным утверждение Энтони Гидденса: «Пространственная дифференциация микро- и макро теряет всякую определенность, как только мы начинаем исследовать ее. Ибо формирование и преобразование социальных взаимодействий неминуемо происходит в пространстве всегда куда более широком, нежели те, что связаны с непосредственными контекстами взаимодействия лицом к лицу» [8, с. 214]. Именно способность личности переходить в разные группы и обретать разные социальные роли делает ее личное пространство относительно независимым от социальной среды, сложившейся в конкретной группе.

Теоретическое обоснование относительности разделения макро- и микро-социальных миров в последние годы получило поддержку в отечественной

социальной теории. По мнению Н.Н. Лапина макроадаптивности своими истоками уходят в формы гражданской идентичности в микромире. Под влиянием экономической рациональности межгрупповые и межличностные отношения приобретают функционально-ролевую направленность, где личность и группа оказываются равноправными партнерами [9]. При таком подходе становится очевидным тот факт, что доскональное эмпирическое изучение пространственных структур и дистанций, сложившихся в конкретных группах, например, в коммерческой фирме в промышленной корпорации, в гражданской ассоциации, или в неформальной группе, не может дать целостного восприятия пространства личности. Теоретический консенсус может быть достигнут при выяснении субординации группового и личностного пространства.

Исходной точкой отсчета или связующим звеном между пространством общества и личности остается пространство социальной группы или гражданской общности. Под углом зрения различных концепций гражданского общества гражданские общности, ассоциации, союзы формируются там, где обнаруживается слабость институтов государства регламентировать общественные отношения, не поддающихся жестким нормативам или правовым актам законодательной власти. С позиций открытого общества гражданские ассоциации интегрируют пространственные связи между разнородными образованиями, преодолевают социальные дистанции между группами с разными интересами, стремятся в общественном пространстве остановить экспансию государства на приватное пространство личности.

Открытое пространство социальных групп отличается рядом признаков, которые обусловлены структурой группы, ее положением в обществе, системой ценностных ориентаций, идентифицирующих принадлежность индивида к группе. Важнейшие свойства открытости пространства общностей заключаются, по нашему мнению, в следующем:

- Наличие потребностей в информационно-энергетическом обмене внутренними ресурсами с другими общностями не только поддерживает функциональную направленность группового пространства, но и выступает источником непрерывного обновления и расширения пространственных структур. Причем, корпоративные ресурсы, отождествляемые в промышленных обществах с материальными, финансовыми ресурсами, в постиндустриальном об-

шестве дополняются, а чаще всего, обуславливаются информационными ресурсами, которые повсеместно создают подвижную связь между информационными полями гражданских объединений, групп, ассоциаций.

- На фоне происходящих перемен существуют достаточно устойчивые формы пространственной динамики. Легитимное закрепление открытости пространственных структур выражено в принципах суверенности, территориальной целостности, в наличии прав и свобод личности.

- Мера правовой и гражданской открытости пространства группы определяется демократическими институтами и институтами, утвердившимися в обществе. Уровень социальных свобод, достигнутых и закрепленных конституцией, создает «внешние» границы открытости корпоративного пространства, «внутренние» границы открытости этого пространства обусловлены институциональными нормами, регулирующими социальное место акторов, их социальную иерархию.

- Открытость пространства напрямую связана с состояниями национальной, коллективной и личной безопасности. Защитные механизмы сохранения социальных и человеческих ресурсов, нормы и стандарты сложившегося порядка внутри группы, усвоенная индивидом корпоративная идентичность в своей совокупности выражают уровень открытости пространства группы в гражданском обществе.

Социально организованное свободное пространство современных общностей является не только внешним фактором, но и структурным компонентом открытого пространства личности. Различные феномены этого пространства раскрываются в повседневной реальности, выражают новое содержание публичности гражданских общностей, обретают индивидуальные свойства в зависимости от качественной определенности, образа жизни и менталитета конкретной личности.

Приватное пространство личности раскрывается, прежде всего, в повседневном межличностном взаимодействии. Для такого пространства, по мнению психологов, характерна организация взаимодействия в определенном порядке, включая: выбор социально-психологической позиции по отношению к другому; четкое определение пространственных и временных границ ситуации взаимодействия; способность к смене психологической позиции в возникшей ситуации; преодоление межличностных преград, появляющихся в

пространстве общения [10, с. 106-109]. В повседневном общении особое значение приобретает мера открытости пространства, которая выражается в особенностях строения личностной территории, в сближении межличностных дистанций, в проявлениях доброжелательности, гостеприимства, готовности к сотрудничеству. Если эта сторона открытости пространства личности больше интересует психологов, социологов, изучающих конкретные механизмы социализации личности, ее ролевое, профессиональное становление, то философский контекст открытого пространства в большей степени учитывает ценностный горизонт, где повседневные структуры пространства уходят как бы на задний план. Поворотными пунктами в этом процессе выступают персональная идентичность и идентичность «Я»-«Мы».

В отличие от дисциплинарного горизонта идентичности личности в психологическом мире, философская проблема персональной идентичности реализуется преимущественно в темпоральном плане. Е.Г. Трубина отмечает, что наиболее распространенным вариантом постановки проблемы является вопрос о том, из чего состоит идентичность личности во времени, или каковы ее критерии. В современной западной философии время является надежным индикатором связанности состояний личности и достаточным условием приписывания ей идентичности [11, с. 162-163]. В сложившейся философской традиции при рассмотрении персональной идентичности во временных потоках бытия значительная роль отводится способности индивида помнить о совершенных ею деяниях в прошлом, где сущностные элементы самоидентичности связываются с памятью, ее способностью сохранять связанность состояний жизненного пути личности.

Нам представляется, что помимо темпорального ряда исследования идентичности, достаточно разработанного в философии, несомненную эвристическую значимость содержат топологические категории, способные обозначить пространственную версию персональной идентичности. Возможность сохранить приобретенные социальные качества, стандарты поведения и инновационные программы жизнедеятельности личность реализует посредством выявления постоянных пространственных форм жизнедеятельности, которые обретают понятийную и ценностную определенность и закрепляют ее способность сохранять обретенный опыт и собственную самобытность в социуме под натиском непрерывных изменений в окружающем мире.

Уровень самосознания личности во многом обусловлен плотностью или разреженностью пространственных связей тех социальных сред, где проходит ее жизнедеятельность. Н. Элиас выдвинул зависимость внутреннего мира и внутреннего пространства индивида от внешних форм организации общественной жизни. По его мнению, в узколокальных сообществах и защитных союзах по мере ослабления их адаптационных функций значительно снижается персональная идентичность индивида этими сообществами. Еще большая потребность в самоидентификации личности обнаруживается в макросообществах. «Внутри более высокообъемлющих высокоцентрализованных и урбонизированных государственных обществ отдельный человек все больше вынужден опираться на самого себя» [12, с. 170]. Нарастание социальной и духовной автономии личности сопровождается повышенным вниманием к собственному пространству, к оцениванию социокультурных и информационных ресурсов индивидуальной жизненной среды.

Пространственная идентичность индивида, выраженная в способности сохранять тождественность с самим собой, в разных промежутках времени связана с рефлексией «своего места» как пространственной единицы бытия, без которой не возможны реальные формы самоосуществления и самореализации. В разных языках и в разных культурах широко представлен девиз «борьба каждого за место под солнцем», в повседневном сознании давно уже распространена поговорка: «не место красит человека, а человек место». Политическая рефлексия места широко представлена в политическом лексиконе. Своеобразным политическим индикатором властных отношений в открытом обществе становятся термины: «количество мест в парламенте, полученных партией», «местные политические интересы», «местная власть». В богатстве оттенков и смыслов понятия «место» отражаются точки соприкосновения пространства личности и пространства социума. Всепоглощающая метафора места выражает не только конкретную часть территории, посредством которой индивид создает необходимые естественные условия своего существования, но и становится способом социального, духовного бытия личности. Именно поэтому рефлексия места в открытом обществе можно определить как необходимое условие персональной идентификации личности.

Человек, утративший свое место в социальной структуре, в культурной среде, переживает кризис идентичности, нарушается ценностная ориентация

на благоприятное будущее. По мнению В.Н. Гасилина, «люди, утратившие нужную ценностную ориентацию, стремятся выйти за границы своей настоящей идентичности, изменить процесс идентификации. Подобного рода идентичность следует признать мнимой идентичностью» [13, с. 294]. Оказавшись под влиянием такой идентичности, индивид не в силах реализовать установки и принципы открытого пространства. Осознавая свою обреченность, превращаясь в изгоев общества, индивиды, подверженные всем тяготам бездомности, бродяжничества оказываются в замкнутом закрытом пространстве, где утрата своего места становится источником личной деградации, разрушением механизмов социальной адаптации. Негативные черты замкнутого пространства личности оказываются особенно ощутимыми на ранних стадиях становления гражданского общества, резко проявляются в периоды социальных кризисов, социальной напряженности.

Позитивная или негативная рефлексия личностью собственного места не исчерпывает всего разнообразия процессов идентификации пространственных структур личности. Состояние «Я»-«Мы» открывает еще одну важную составляющую личностного пространства. С позиций пространственного подхода понятием «Мы» личность обозначает социально-психологическое окружение, которое особым образом взаимодополняет «Я». Феномены «Мы» раскрываются в пространстве таких первичных групп, как семья, территориальные соседские общности, поселенческие общности города и деревни (мое село, мой город). Выполняемые индивидом в первичном социальном окружении социальные роли предполагают высокую степень эмоциональной открытости, включая эмоциональный настрой и нравственные установки на взаимную доверительность, привязанность, дружелюбие. Особое место в открытом пространстве личности занимают семья, круг близких родственников, сверстников, друзей. Социальная дистанция лицом к лицу содержит высокий эмоциональный уровень открытости в межличностных отношениях, где жесты, мимика, интонации выступают исходными показателями открытости личности, выражают ее готовность к общению, обмену доверительной информацией, источником проявления дружеских чувств, заботы, личной ответственности.

Иная структура личностного пространства раскрывается, когда для индивида Мы-идентичность распространяется на социальные (корпоративные) институты, закрепляющие институциональные отношения в открытом обще-

стве. В пространстве корпоративных институтов личность в состоянии заявить о себе, выразить свои профессиональные, политические, художественные, религиозные взгляды, ценностные ориентации. Институциональное поле «Я»-«Мы» весьма динамично. В открытом обществе все заметнее становится тенденция изменения пространственной конфигурации в сторону «Я». Достаточно высокий уровень индивидуализации нормативного пространства гражданских общностей создает все новые условия для проявления институциональной открытости личности, открытости ее политических, правовых полей жизни. Институциональные свойства личности в общем дискурсе «Я»-«Мы» в последние десятилетия становятся весьма противоречивыми. На одном полюсе нормативного поля расширяются политические и правовые средства самореализации личности, усиливается ее правовая защищенность и свобода мнений; на другом - интегрируются противоположные тенденции, когда обретенная свобода «требует от отдельных людей повышенной осмотрительности, более осознанных форм саморегулирования, уменьшения степени спонтанности как действий, так и высказываний» [12, с. 284]. Иными словами, вовлечение личности в институциональное пространство гражданского общества предполагает появление феноменов «институциональной осмотрительности» личности. Включая в проблемное поле исследования новый термин, мы обращаем внимание на то, что повышенная осмотрительность в открытом пространстве существенным образом отличается от осмотрительности личности в закрытом обществе, где источниками осмотрительности становятся чувства страха, недоверия и подозрительности, стремление выжить. Гражданская осмотрительность имеет совершенно иную природу и основана на открытой конструктивной критике тех явлений, которые мешают развитию гражданской культуры. Такая осмотрительность предполагает социальную ответственность за принимаемые решения. Демократические принципы открытого общества предполагают, что участие в публичной жизни является делом частного выбора каждого индивида и не нарушают прав на его суверенное приватное пространство.

Завершая анализ личностного пространства в открытом обществе, отметим, что пространственное бытие личности постепенно становится гарантом свободы и гражданской ответственности, все полнее воплощает ценности самоутверждения и социального творчества, превращается в один из институциональных императивов гражданского общества. Выражая пока еще во

многим идеальным проектом развития личности концепт открытого пространства дает возможность обратить внимание на перспективность исследования тех пространственных структур социальной жизни человека, которые могут найти новые аргументы для перехода от стратегий выживания к стратегии нормальной и полноценной жизни для большинства граждан России.

Литература

1. *Кондорсе Ж.А.* Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М, 1936
2. *Бергсон А.* Творческая эволюция. М, СПб, 1914.
3. *Поппер К.Р.* Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона. М. 1992.
4. *Поппер К.Р.* Мир предрасположенностей // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук. Карл Поппер и его критики. М. 2000.
5. *Орлова О.В.* Автономия личности и автономия гражданского общества // Государство и право. 2006. № 1.
6. *Тихонова Н.Е.* Россияне: нормативная модель взаимоотношений общества, личности и государства // Общественные науки и современность. 2005. № 6.
7. *Goffman Erving, Boudon, Raymond.* Forms of Talk. Oxford, 1981. The Unintended Consequences of Social Action London, 1982
8. *Гидденс Э.* Устройство общества: Очерки теории структуризации. М. 2003.
9. *Лапин Н.Н.* Антропосоциетальный подход: методологические основания и социологические измерения // Вопросы философии. 2005. № 1.
10. *Куницына В.Н., Казаринова Н.В., Погольша В.М.* Межличностное общение. СПб, 2002.
11. *Трубина Е.Г.* Идентичность персональная / Социальная философия. Словарь. М. 2003.
12. *Элиас Н.* Индивидуализация в общественном процессе // Общество индивидов. М. 2001.
13. *Гасилин В.Н.* Система ценностей и идентификация человека // Человек в современных философских концепциях. Волгоград. 2004. Том 2.

Ростовский юридический институт

МВД России 12 декабря 2008 г.
